

I
Начало конца

1

Ранним сентябрьским вечером 1938 года немолодой священник Фрэнсис Чисхолм, прихрамывая, поднимался по крутой тропинке от церкви Святого Колумба¹ к своему дому на холме. Несмотря на увечье, он предпочитал этот путь более пологому подъему по Меркет-Уинд. Добравшись до маленькой калитки в садовой ограде, он с каким-то наивным торжеством остановился, чтобы перевести дух и, как всегда, полюбоваться открывшимся пейзажем.

Внизу широкой серебряной лентой, слегка подкрашенной шафраном осеннего заката, спокойно текла река Твид. По склону северного, шотландского берега к реке в беспорядке спускались дома Твидсайда; их черепичные, похожие на одеяло из розовых и желтых лоскутов крыши скрывали лабиринт вымощенных булыжником улиц. Высокие каменные укрепления все еще украшали, как в старину, этот город на границе между Англией и Шотландией. Пушки, захваченные в Крымской войне, служили приютом для чаек, которые клевали мертвых крабов. Туманная дымка над песчаной отмелью в устье реки скрадывала очертания сохнувших сетей и мачт рыбачьих судов в гавани — тонкими недвижимыми нитями тянулись они вверх. Вдалеке от моря, над бронзовыми в это время года лесами Дерхэма, уже сгущались сумерки. Одинокая цапля медленно летела к лесу. Отец Чисхолм

¹ *Святой Колумб* — один из самых почитаемых в Ирландии и Шотландии святых. — *Прим. ред.*

долго провожал ее глазами. Воздух был чист и прозрачен, напоен запахом дыма и опавших яблок, предчувствием ранних холодов.

Со вздохом удовлетворения отец Чисхолм повернулся к калитке и вошел в сад. По сравнению с тем садом, который был у него когда-то на Холме Блестящего Зеленого Нефрита, этот мог показаться просто жалким клочком земли. Но все же он был красив и, как все шотландские сады, плодороден: несколько прекрасных фруктовых деревьев росло у ограды, а груши-скороспелки в южном уголке сада были просто великолепны. Убедившись, что тирана Дугала поблизости нет, отец Чисхолм украдкой взглянул на окно кухни, сорвал лучшую грушу с дерева и сунул под сутану. Его желтые морщинистые щеки даже покраснели от удовольствия, и он с торжеством победителя заковылял по усыпанной гравием дорожке, опираясь на новый зонтик из шотландки. Этот зонтик — замена прежнего, потрепанного, служившего ему в Байтане, — был единственной поблажкой, которую он себе позволил. У двери дома стоял незнакомый автомобиль.

Отец Чисхолм растерянно остановился. При всей своей забывчивости и рассеянности, часто ставивших его в неловкое положение, сейчас старый священник внезапно вспомнил неприятное письмо епископа, который извещал его о скором приезде своего секретаря монсьёра Слита. Отец Чисхолм поспешил к дому.

Монсьёр Слит ожидал его в гостиной, стоя спиной к холодному камину. Темная сутана придавала его тонкой фигуре особую элегантность. Ему было явно не по себе от жалкой обстановки дома, как бы принижавшей достоинство его сана, а длительное ожидание и вовсе истощило его терпение. Тщетно старался он найти в этой гостиной хоть какой-то след индивидуальности: может быть, фарфоровую или лакированную безделушку, что-нибудь, напоминающее о Востоке. Но комната была почти пуста и совершенно безлика: потертый линолеум, стулья, набитые конским волосом,

треснувшая каминная доска, на которой монсеньор с неодобрением заметил катушку от спиннинга и кучу беспорядочно раскиданных пенсов, очевидно собранных в церкви. И все-таки он решил быть обходительным. Приняв благожелательный вид, монсеньор Слит любезным жестом прервал извинения отца Чисхолма:

— Ваша экономка уже показала мне мою комнату. Надеюсь, я не стесню вас, если пробуду здесь несколько дней? Какой чудесный день был сегодня! Какие краски! Когда я ехал сюда из Тайнкасла, то чуть было не вообразил, что нахожусь в милом Сан-Моралесе.

С задумчивым видом он поглядел в темнеющее окно. Старик едва удержался от улыбки: уж очень явным был отпечаток отца Тэррента и семинарии на его госте. Элегантность, острый взгляд, даже легкий оттенок жестокости, который угадывался в его резко очерченных ноздрях, делали Слиту прямо-таки копией отца Тэррента.

— Надеюсь, вам будет удобно, — пробормотал отец Чисхолм. — Сейчас мы перекусим. Простите, я не могу предложить вам обеда. Мы тут как-то привыкли к ужину и чаю пошотландски.

Слит, полуотвернувшись, равнодушно кивнул. Действительно, в этот момент вошла мисс Моффат и, задернув тускло-коричневые занавески из шенили¹, стала бесшумно накрывать на стол. Слит с иронией подумал, что это бесцветное создание, кинувшее на него испуганный взгляд, удивительно гармонирует с комнатой. Он заметил, что она поставила на стол три прибора, и это вызвало у него мимолетное раздражение, но ее присутствие помогло Слиту сдержаться и продолжить ничего не значащий разговор.

Во время трапезы гость с похвалой отозвался о каррарском мраморе, который епископ специально привез для нефа

¹ Шениль — махровая ткань с неразрезанными волокнами. — Здесь и далее прим. перев., кроме особо оговоренных.

нового собора в Тайнкасле. Положив себе с большого блюда щедрую порцию ветчины, яиц и почек, Слит уже благосклоннее принял чашку чая, налитого из металлического чайника. Занятый намазыванием масла на подрумяненный тост, он не сразу услышал негромкий вопрос отца Чисхолма:

— Вы ничего не будете иметь против, чтобы Эндрю ел свою овсянку вместе с нами? Эндрю! Это монсеньор Слит.

Слит резко поднял голову. Мальчик лет девяти неслышно вошел в комнату и стоял, смущенно теребя голубую фуфайку. По его худенькому бледному лицу видно было, что он очень нервничает. Замявшись, мальчик скользнул на свое место и машинально потянулся за кувшином с молоком. Когда он наклонился над тарелкой, влажная каштановая прядь упала на его некрасивый костистый лоб (очевидно, была пущена в ход губка мисс Моффат). В глазах Эндрю, необычайно голубых, застыло детское предчувствие беды — они выражали такую тревогу, что мальчик не осмеливался поднять взгляд.

Секретарь епископа удобнее уселся за столом и не спеша продолжил прерванный ужин. В конце концов, сейчас еще неподходящий момент... Однако время от времени он незаметно поглядывал на мальчика.

— Так ты и есть Эндрю? — Приличие требовало, чтобы он что-то сказал. Слиту даже удалось придать своим словам некоторую благожелательность. — И ты ходишь здесь в школу?

— Да...

— Ну-ка, расскажи, что ты знаешь.

Довольно добродушно он задал несколько простых вопросов. Мальчик вспыхнул. От смущения он совсем растерялся и пробормотал что-то нечленораздельное, выдававшее его явное невежество. Брови монсеньора Слита поползли вверх.

«Ужасно, — подумал он. — Совершенный неуч!» Слит положил себе вторую порцию почек, и внезапно до него дошло,

что, пока он небрежно поглощал всякие вкусные блюда, те двое ограничивались овсянкой. Слит покраснел: старик выставил напоказ свой аскетизм. Какая невыносимая аффектация!..

Наверное, отец Чисхолм угадал его мысль, а потому покачал головой:

— Я столько лет был лишен моей милой шотландской овсянки, что теперь никогда не упускаю случая отведать ее.

Монсеньор Слит ничего не ответил. Вскоре Эндрю, робко взглянув на обоих священников и преодолевая немоту, попросил позволения выйти из-за стола. Когда он встал, чтобы прочесть после еды молитву, то неловко задел локтем ложку и уронил ее. Неуклюже волоча ноги в грубых башмаках, мальчик направился к двери.

Снова наступило молчание. Закончив ужин, Слит легко поднялся и без всякой видимой цели опять занял свое место на тощем коврикe у камина. Широко расставив ноги и заложив руки за спину, он разглядывал, впрочем незаметно, своего престарелого собрата. Отец Чисхолм все еще сидел за столом с видом терпеливого ожидания.

«Боже милосердный, — думал монсеньор Слит, — что за жалкий представитель нашего сословия этот обтрепанный старик в грязной сутане с засаленным воротником! Какая у него желтая высохшая кожа!»

Одну щеку отца Чисхолма обезобразил шрам от удара кнутом, который выворачивал нижнее веко. Он, казалось, тянул его голову вниз и вбок, а шея была постоянно искривлена усилием хоть как-то восполнить хромоту — он припал на одну ногу. Из-за этого наклона головы в тех редких случаях, когда отец Чисхолм поднимал глаза, обычно опущенные, его взгляд был как-то неприятно пронизателен, и это приводило других в замешательство. Слит откашлялся. Он решил, что теперь настала пора заговорить, и, придав своему голосу нотку сердечности, спросил:

— Давно ли вы здесь, отец Чисхолм?

— Двенадцать месяцев.

— Ах да! Со стороны его милости было очень любезно послать вас сюда, в ваш родной приход, после вашего возвращения.

— Это и его родной приход тоже!

Слит учтиво склонил голову:

— Да, да! Я знаю, что его милость разделяет с вами честь быть здешним уроженцем. Пойдите-ка... Сколько же вам лет, отец Чисхолм? Почти семьдесят, так?

Отец Чисхолм кивнул и со стариковской гордостью мягко добавил:

— Я не старше, чем Ансельм Мили.

Такая фамильярность заставила Слита нахмуриться, но он тут же снисходительно, с оттенком сочувствия, улыбнулся.

— Несомненно. Но жизнь обошлась с вами несколько иначе. Короче говоря, — произнес он и выпрямился, твердый, но отнюдь не жестокий, — епископ и я, мы оба считаем, что вы должны быть вознаграждены за долгие годы вашей преданной службы. Словом, что вам пора уйти на покой.

С минуту длилась полная тишина.

— Но у меня нет никакого желания уходить на покой.

— Тяжкий долг заставил меня приехать сюда, чтобы провести расследование и сообщить о результатах его милости. Но есть некоторые факты, на которые нельзя смотреть сквозь пальцы. — Слит благоразумно уставился в потолок.

— Какие именно?

— Шесть... десять... дюжина фактов! Не мне перечислять ваши... ваши восточные эксцентricности. — Слит уже не скрывал своего раздражения.

— Мне очень жаль. — Слабая искра зажглась в глазах старика. — Но хорошо, что вы помните, что я провел тридцать пять лет в Китае.

— Дела вашего прихода безнадежно запутаны.

— Уж не наделал ли я долгов?

— Откуда нам знать! Вы уже полгода не шлете отчетов о церковных сборах, — заговорил быстрее Слит и повысил голос. — Все у вас так... так... не по-деловому... Например, в прошлом месяце вам был представлен счет агентом фирмы Бленда — три фунта за свечи и прочее, и вы всю эту сумму оплатили медяками!

— Но я ведь и получаю медяки, — задумчиво взглянул на своего гостя отец Чисхолм. Слиту казалось, будто он смотрит сквозь него. — Вообще-то, я никогда не умел обращаться с деньгами. У меня никогда их не было, понимаете... Но в конце концов... Вы думаете, что деньги так страшно важны?

К своей досаде, монсеньор Слит почувствовал, что краснеет.

— Все это порождает сплетни, отец, — произнес он и успешно продолжил: — Ходят и другие слухи... Некоторые ваши проповеди... советы, которые вы даете... толкование некоторых догматических вопросов... — он заглянул в сафьяновую записную книжку, которая уже была наготове в его руке, — выглядят опасно своеобразными.

— Быть этого не может!

— На Троицу вы сказали прихожанам: «Не думайте, что Небеса на небе... Они здесь, у вас в ладони... Они везде и всюду», — осуждающе нахмурился Слит, переворачивая страницы. — Вот опять... Вот ваше невероятное высказывание на Страстной неделе: «Необязательно все атеисты попадут в ад. Я знал одного, который не попал туда. Ад предназначен только для тех, кто плюет Богу в лицо». А вот... Господи, какая грубая бестактность! «Христос был совершенным человеком, но у Конфуция было сильнее развито чувство юмора!» — Он с негодованием перевернул другую страницу. — А этот совершенно неправдоподобный инцидент!.. К вам пришла одна из ваших лучших прихожанок, миссис Гленденнинг. Не виновата же она в том, что так толста. Она пришла к вам,

чтобы получить духовное руководство, а вы посмотрели на нее и сказали: «Ешьте поменьше. Врата рая узки». Но к чему продолжать? — Монсеньор Слит решительно закрыл свою книжку с золотым обрезом. — Мягко выражаясь, вы, по-видимому, утратили способность управлять душами.

— Но... — взволнованно начал отец Чисхолм, однако затем спокойно продолжил: — Я вовсе не хочу управлять ничьими душами.

Слит покраснел еще сильнее. Он совсем не собирался вступать в богословскую дискуссию с этим выжившим из ума стариком.

— Кроме того, остается нерешенным вопрос об этом мальчике, которого вы так неосмотрительно усыновили.

— Кто же позаботится о нем, если не я?

— Наши сестры-монахини в Рэлстоуне. Это лучший приют для сирот во всем приходе.

Отец Чисхолм опять поднял глаза, приводившие монсеньора в замешательство.

— А вы хотели бы провести свое детство в этом приюте?

— Зачем переходить на личности, отец! Я уже сказал... даже если принять во внимание все обстоятельства... и в этом случае ситуация является крайне ненормальной и ей надо положить конец. Кроме того, — развел он руки, — если вы уедете отсюда, то его все равно придется поместить куда-нибудь.

— Вы, по-видимому, твердо решили избавиться от нас. А меня тоже отдадут на попечение монахинь?

— Конечно нет. Вы можете поехать в приют для престарелых священников в Клинтоне. Это идеальное пристанище для отдыха.

Старик даже рассмеялся сухим отрывистым смехом:

— У меня будет достаточно времени для идеального отдыха, когда я умру. А пока я жив, я не желаю очутиться в обществе целой массы престарелых священников. Может быть, вам это покажется странным, но я никогда не мог выносить духовенство в больших дозах.

Слит только криво улыбнулся:

— Мне ничто не покажется странным в вас, отец. Простите меня, но ваша репутация еще до вашего отъезда в Китай... вся ваша жизнь... была своеобразной, чтобы не сказать большего.

Наступило молчание. Отец Чисхолм тихо произнес:

— Я дам отчет за свою жизнь Богу.

Слит опустил глаза. Он был огорчен своей неучтивостью. Он зашел слишком далеко. Будучи холодным по природе, Слит, однако, старался быть всегда справедливым, даже деликатным. У него было достаточно такта, чтобы почувствовать себя неловко.

— Естественно, я не беру на себя смелость судить или допрашивать вас. Ничего еще не решено. Поэтому-то я и приехал сюда. Посмотрим, что покажут ближайшие дни. — Он шагнул к двери. — Теперь я пойду в церковь. Не беспокойтесь, пожалуйста, я знаю дорогу, — принужденно улыбнулся Слит и вышел.

Отец Чисхолм остался сидеть у стола, не двигаясь, прикрыв глаза рукой и погрузившись в свои мысли. Он чувствовал себя раздавленным угрозой, так внезапно нависшей над его тихим пристанищем, которое с таким трудом досталось ему. При всей своей безропотности (давно, впрочем, подвергавшейся тяжким испытаниям) старый священник отказывался принять этот удар. Он вдруг ощутил себя опустошенным и совершенно обессиленным, не нужным ни Богу, ни людям. Жгучее отчаяние охватило его. Такая мелочь, но как много это для него значит! Ему хотелось закричать: «Господи, Господи! Зачем Ты меня оставил?!» Отец Чисхолм тяжело встал и пошел наверх.

На чердаке, над комнатой для гостей, Эндрю уже спал в своей кровати. Он лежал на боку, согнув на подушке хуленькую руку, словно пытался защититься от кого-то. Внимательно всматриваясь в мальчика, старик вынул из кармана грушу и положил ее на одежду Эндрю, сложенную на плетеном стуле возле кровати. Больше он, очевидно, ничего

КЛЮЧИ ЦАРСТВА

не мог сделать. Легкий ветерок шевелил муслиновые занавески. Он подошел к окну и раздвинул их. В морозном небе мерцали звезды. При свете этих звезд он увидел всю свою жизнь, со всеми ее ошибками и неудачами, со всеми неосуществившимися стремлениями и бесплодными усилиями, лишенную стройности, красоты и величия. Ведь, кажется, совсем недавно он сам был мальчуганом, бегал и смеялся здесь, в Твидсайте. Его мысли унеслись в прошлое. Если сравнить его жизнь с рисунком, то первый, все определяющий штрих был, несомненно, нанесен в ту апрельскую субботу, шестьдесят лет назад... А он, в своем безмятежном счастье, не понял этого...

II Призвание

1

В то весеннее утро, за ранним завтраком в темной уютной кухне, он был счастлив. Огонь грел его ноги в одних чулках, запах щепок, которыми разжигали очаг, и горячих овсяных лепешек возбуждал аппетит. Пусть идет дождь, все равно сегодня суббота и прилив как раз такой, при каком хорошо ловится семга.

Мать проворно взбила деревянной мешалкой гороховую похлебку и поставила на выскобленный стол между ним и отцом миску с голубым ободком. Он достал свою роговую ложку и сначала погрузил ее в миску, а потом в стоявшую перед ним чашку с пахтаньем. Он перекатывал языком гладкую золотистую похлебку, сваренную на славу, без всяких комочков неразмешанной муки.

Отец, в поношенной голубой фуфайке и штопаных рыбачьих чулках, сидел напротив. Наклонив к столу свое крупное тело, он молча ел; его большие красные руки двигались медленно и спокойно. Мать вытрясла со сковороды последнюю порцию овсяных лепешек, разложила их вокруг миски с похлебкой и присела к столу выпить чая. Желтое масло таяло на разломанной лепешке, которую она взяла. В маленькой кухне царили тишина и дух товарищества. Отсветы пламени прыгали по блестящей каминной решетке и беленному белой трубочной глиной камину. Ему было девять лет, и он шел с отцом к рыбакам в их барак.

Там его знали — он был мальчуганом Алекса Чисхолма. Люди в шерстяных фуфайках и кожаных сапогах до бедер

принимали его в свою среду спокойным кивком головы или, что было еще лучше, просто дружелюбным молчанием. Он весь светился от тайной гордости, когда выходил с ними в море. Кто-нибудь из рыбаков, пригибаясь на ветру, суетливо делал последние приготовления к ловле, другие сидели на корточках, укрыв плечи пожелтевшей парусиной, некоторые пытались высосать хоть немного тепла из своих коротких почерневших глиняных трубок. Они с отцом остановились поодаль. Алекс Чисхолм был старшим на Твидской рыболовецкой станции № 3. Молча стоя рядом под пронизывающим ветром, они следили за далеким кругом поплавок, танцующих там, где река сливалась с морем. У мальчика часто кружилась голова от ослепительного солнечного блеска на водной ряби. Но он не хотел, не мог моргнуть и отвести взгляд хоть на мгновение: пропустив одну секунду, можно было упустить добрую дюжину рыб, а в те дни улов доставался с огромным трудом, и в Биллингсгейте рыболовецкая компания получала лишь полкроны дохода с фунта рыбы. Высокая фигура отца застыла в таком же напряжении: голова слегка втянута в плечи, острый профиль четко обрисовывается под старой кепкой, на выдающихся скулах выступил румянец. Иногда на воспаленные глаза мальчика наворачивались слезы счастья; его давало ощущение тайного товарищества с отцом, соединяясь в его сознании каким-то неуловимым образом с запахом водорослей, выброшенных морем, с отдаленным боем городских часов, с карканьем дерхэмских ворон.

Отец издавал крик, и, как Фрэнсис ни старался, он никогда не мог уловить этот первый момент погружения поплавок — не того покачивания, которое производит прилив и которое порой заставляло его, как дурака, бросаться вперед, а того медленного ухода поплавок вниз, указывающего наметанному глазу, что пришла рыба. Короткий резкий вскрик отца мгновенно заглушался топотом ног — команда броса-

лась к лебедке, чтобы вытащить сеть. Привычка никогда не притупляла остроты этого мига: хотя люди получали премию с улова, в тот момент никто не думал о деньгах — глубокое волнение, охватывавшее рыбаков, уходило корнями в далекие первобытные времена.

И вот, стекая ручьями, таща за собой водоросли, появляются сети; скрипит наматывающийся на деревянный барабан трос. Последнее усилие — и в кошеле вздымающегося невода вспыхивает расплавленным блеском, полным силы и прелести, семга!

Однажды — то была незабываемая суббота — они поймали сразу сорок рыбин. Большие сверкающие существа, изгибаясь дугой, бились, стараясь прорваться сквозь сеть и уйти в реку. Фрэнсис бросился вперед вместе с другими, отчаянно хватая драгоценную ускользящую рыбу. Рыбаки подняли мальчика, всего в блестках чешуи и вымокшего до костей, — он сжимал в своих объятиях великолепное чудо-вище. Вечером, когда они с отцом шли домой, держась за руки, и звук их шагов гулко раздавался в дымке сумерек, не сговариваясь, оба остановились у лавки Берли на Хай-стрит, чтобы купить на пенни его любимых мятных лепешечек.

Их товарищество приносило ему и другие радости. По воскресеньям после мессы они брали удочки и тайком, чтобы не вызвать неодобрения благочестивых прихожан, пробирались окраинными улицами погруженного в воскресное оцепенение города, в зеленую долину Уайтэддера. В жестянке Фрэнсиса копошились в опилках жирные личинки мух, собранные накануне вечером на дворе у Мили. День пьянил его шумом реки, запахом таволги... Отец показывал ему места, где могли быть водовороты... Форель, вся в темно-красных пятнышках, извивалась по побелевшей гальке... Отец склонялся над костром... Потом они ели чудесную хрустящую жареную рыбу...

А иногда они отправлялись за черникой, земляникой или дикой желтой малиной, из которой выходил такой вкусный джем. Если с ними шла и мать, то получался настоящий праздник. Отец знал все лучшие места и заводил их далеко в лес, к нетронутым ягодным зарослям.

Когда выпадал снег и зима сковывала землю, они крались между заиндевевшими деревьями дерхэмского парка. Дыхание клубилось перед ними морозным паром, по коже бегали мурашки — а вдруг сейчас раздастся свисток сторожа?! Он слышал стук своего сердца, когда они опорожняли силки почти под самыми окнами барского дома. И вот они уже торопятся домой! Домой! С сумками, полными дичи! Он улыбался, и у него уже текли слюнки при мысли о паштете из кролика... Его мать была великолепной кухаркой. Своей бережливостью, умением хозяйничать и ловкостью в домашней работе она заслужила одобрение скупой на похвалы шотландской общины. О ней говорили: «Элизабет Чисхолм — добродетельная женщина!»

Сейчас, прикончив похлебку, он услышал, как мать говорит что-то отцу, глядя на него через стол.

— Ты постарайся сегодня быть дома пораньше, Алекс, сегодня ведь праздник в муниципалитете.

Наступила тишина. Фрэнсис заметил, что отец чем-то озабочен, может быть, он думал о поднявшейся от дождей реке и о том, что семга ловится неважно, и его застало врасплох напоминание о ежегодном концерте в муниципалитете, на который им предстояло идти вечером.

— Ты твердо решила пойти, женщина? — спросил он с легкой улыбкой.

Мать слегка покраснела; Фрэнсиса изумил ее совершенно необычный вид.

— Ты же знаешь, как я всегда жду этого концерта. Да и ты, в конце концов, принадлежишь к муниципалитету. Ты просто... ты просто обязан присутствовать там со своей семьей и друзьями.

Теперь отец расплылся в улыбке, вокруг его глаз собралось множество добрых морщинок... Чтобы заслужить такую улыбку отца, Фрэнсис готов был бы умереть.

— Ну, тогда, похоже, нам придется идти, Лизбет.

Отец никогда не любил эти торжества, как не любил пить чай из чашек, носить жесткие воротнички и надевать скрипучие ботинки по воскресеньям. Но он любил эту женщину, которая хотела, чтобы он пошел туда.

— Так я рассчитываю на тебя, Алекс! Понимаешь, — в голосе матери, которому она изо всех сил старалась придать оттенок небрежности, прозвучала нотка облегчения, — я пригласила Полли и Нору из Тайнкасла. К сожалению, Нэд, кажется, не сможет отлучиться... — Она помолчала. — Так что тебе придется послать с квитанциями в Эттл кого-нибудь другого.

Отец выпрямился и бросил на нее быстрый взгляд, он, казалось, видел ее насквозь, проникая в самую глубину ее незамысловатой хитрости. Сначала, в своей радости, Фрэнсис ничего не заметил. Сестра его отца (ныне уже умершая) вышла замуж за Нэда Бэннона, владельца «Юнион-таверны» в Тайнкасле — шумном городе милях в шестидесяти к югу. Полли, сестра Нэда, и Нора, его десятилетняя племянница-сиротка, не были, по существу, их близкими родственниками. Однако их посещения всегда приносили в дом радость. Вдруг он услышал спокойный голос отца:

— Все равно мне придется самому идти в Эттл.

Наступило напряженное, полное скрытого значения молчание. Фрэнсис увидел, как побелела мать.

— Совсем необязательно идти самому... Сэм Мирлис, да и любой из твоих людей с радостью сделает это за тебя.

Отец ничего не ответил, продолжая спокойно смотреть на нее, — была задета его гордость, его мужское самолюбие. Ее волнение все возрастало. Она отбросила всякое притворство и, не скрывая больше своего страха, наклонилась над столом и положила дрожащую руку ему на рукав:

— Ну для меня, Алекс! Ты же знаешь, что случилось в прошлый раз. Там опять очень скверно, ужасно скверно, я слышала разговоры об этом.

Отец успокаивающе положил свою большую ладонь на руку матери.

— Ты же не хочешь, чтобы я сбежал, не так ли, жена? — улыбнулся он и порывисто встал. — Я выйду сейчас... и рано вернусь... у меня будет еще уйма времени для тебя, для наших друзей и для твоего драгоценного концерта в при-
дачу.

Побежденная, с напряженно застывшим лицом, она смотрела, как он натягивает высокие сапоги. Фрэнсис, унылый и подавленный, был охвачен ужасным предчувствием того, что должно произойти. И действительно, выпрямившись, отец повернулся к нему и мягко сказал, с необычной для него ноткой раскаяния:

— Я подумал сейчас, мальчик, что тебе сегодня лучше остаться дома. Ты поможешь матери по хозяйству, ей ведь еще много надо сделать до прихода гостей.

Ослепленный слезами разочарования, Фрэнсис не протестовал. Он почувствовал, что мать крепко, словно удерживая, обняла его за плечи.

Отец постоял минутку около двери, со сдержанной, но глубокой любовью глядя на них, потом молча вышел.

Хотя к полудню дождь перестал, время, казалось, еле-еле уныло ползло вперед. Мальчик прекрасно все понимал и мучился этим пониманием, но притворялся, что не видит хмурой озабоченности матери. Здесь, в этом тихом городке, их все знали, их не трогали и даже уважали. Но в Эттле, торговом городе в четырех милях отсюда, где находилось правление рыбных промыслов, куда отец должен был ежемесячно сдавать отчет об улове, к ним относились иначе. Сто лет назад вересковые пустоши около Эттла обгарились кровью

ковенанторов¹; теперь маятник неумолимо вернулся назад. Снова возникло жестокое преследование из-за веры, во главе которого встал новый мэр. Открывались сектантские молельни, на главной площади собирались массовые сборища, народ был возбужден до неистовства. Когда ярость толпы вырвалась на свободу, немногочисленные католики города были изгнаны из своих домов, всех же остальных, живших в округе, торжественно предупредили, чтобы они не вздумали показываться на улицах Эттла.

Спокойное пренебрежение отца к этой угрозе возбудило особую ненависть сектантов. В драке, разыгравшейся в прошлом месяце, сильный рыбак сумел хорошо постоять за себя. А теперь, несмотря на новые угрозы и старания матери удержать его, он снова пошел туда... Фрэнсис вздрогнул от своих мыслей, и его маленькие кулачки сжались. Почему люди не могут оставить друг друга в покое? Его отец и мать были разной веры, но это не мешало им жить вместе, в полном мире и согласии, уважая друг друга. Его отец — хороший человек, самый лучший во всем мире... Почему же они хотят причинить ему зло? Острый, как лезвие ножа, страх пронзил его до глубины души... Само слово «религия» заставляло его отпрянуть, холодея от растерянности при мысли, что люди могут так ненавидеть друг друга за поклонение одному и тому же Богу, только выражаемое по-разному.

В четыре часа они возвращались со станции. Весело подзадориваемый Норой, он угрюмо перепрыгивал через лужи. Мать шла сзади со степенной тетей Полли, которая нарядилась по случаю субботнего чаепития и концерта. Приближение несчастья витало в воздухе и давило на него. Ни ревность Норы, ни ее красивое новое коричневое платье с тесьмой, ни ее откровенная радость оттого, что она видит его, почти не могли отвлечь мальчика.

¹ *Ковенантор (ист.)* — сторонник «Ковенанта» (соглашение между шотландскими и английскими пресвитерианами).

Крепясь изо всех сил, он подошел к дому. Это был низкий чистенький коттедж из серого камня, выходящий на Кэннелгейт; сзади зеленела аккуратная лужайка, там летом отец выращивал астры и бегонии. Сверкающий медный дверной молоток и без единого пятнышка порог выдавали страсть матери к порядку. За окнами с непорочно чистыми занавесками в трех горшках пламенела герань.

Нора раскраснелась, запыхалась, ее голубые глаза сверкали, на нее нашел приступ какого-то задорного, злого веселья. Когда дети, обойдя вокруг дома, вошли в сад, где они должны были до чая играть с Ансельмом Мили (это устроила мать), девочка так низко наклонилась к Фрэнсису, что волосы упали на ее худенькое личико, и начала что-то шептать ему на ухо.

Как ни странно, на этот раз изобретательность Норы подстегнули многочисленные лужи и сочная, влажная после дождя земля. Сначала Фрэнсис не хотел ничего слушать. Это было удивительно, потому что присутствие Норы всегда вызывало в нем, несмотря на робость, ответный порыв. Сейчас он стоял, маленький и сдержанный, и с сомнением смотрел на нее.

— Я знаю, что он захочет, — убеждала она настойчиво. — Он всегда хочет играть в святого. Ну, живее, Фрэнсис! Давай это сделаем, ну, давай же!

Медленная улыбка чуть тронула его сжатые губы. Полунехотя он принес из сарайчика в конце сада лопату, лейку и старую газету. По распоряжению Норы он выкопал двухфутовую яму между лавровыми кустами, полил ее и прикрыл газетой. Девочка искусно засыпала газету сухой землей. Едва они успели поставить лопату на место, как пришел Ансельм Мили. Он был одет в красивую белую матроску. Нора бросила Фрэнсису злорадный взгляд:

— Какой у тебя прелестный новый костюм! А мы ждали тебя. Во что будем играть?

Ансельм Мили снисходительно обдумал вопрос. Для своих одиннадцати лет это был большой, хорошо упитанный мальчик с бело-розовыми щеками, белокурый и кудрявый, с сентиментальным взглядом. Единственное дитя богатых и набожных родителей — у его отца был доходный завод костной муки, — он должен был поступить в Холиуэлл, знаменитый католический колледж в Северной Шотландии, чтобы по окончании его стать священником (это было его собственным желанием, но того же хотела и его благочестивая мать). Ансельм, как и Фрэнсис, прислуживал в церкви Святого Колумба. Его часто видели там на коленях, с глазами полными слез. Посещающие церковь монахини гладили его по головке. Все считали его — и не без основания — святым мальчиком.

— Давайте устроим процессию в честь святой Юлии, — предложил он. — Сегодня ее праздник.

Нора захлопала в ладоши:

— Давайте условимся, будто ее рака находится около лавровых кустов. Мы будем рядиться?

— Нет, — покачал головой Ансельм. — Это будет больше молитвой, чем игрой. Но вообрази, что на мне белая риза и я несу дароносицу, усыпанную драгоценными камнями. Ты будешь белой картезианской¹ монахиней, а ты, Фрэнсис, будешь моим прислужником. Ну, вы готовы?

Внезапная растерянность охватила мальчика. Он был еще в таком возрасте, когда не умеют анализировать свои ощущения. Фрэнсис знал только, что, несмотря на горячие уверения Ансельма, будто он его лучший друг, почему-то его благочестивые излияния возбуждали в нем какой-то странный, болезненный стыд. Собственное отношение Фрэнсиса к Богу было крайне сдержанным. Он оберегал свое чувство,

¹ *Картезианцы (лат.)* — иначе картузианцы — члены католического монашеского ордена, первый мужской монастырь которого основан в 1084 г. во Франции, в местности Шартрез (*лат. Cartusia*).

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Начало конца	9
II. Призвание	21
III. Неудачливый священник	133
IV. Китай	195
V. Возвращение	425
VI. Конец начала	437

Кронин А.
К 83 Ключи Царства : роман / Арчибальд Кронин ; пер. с англ. Н. Протопоповой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 448 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-11718-1

Фрэнсис Чисхолм — добросердечный и скромный священник, чья индивидуальность и непосредственность делают его непопулярным среди духовенства. Чтобы избавиться от «неудобного» священника, его отправляют в Китай. Более тридцати лет Чисхолм поддерживал миссию, несмотря на крайнюю нищету, гражданскую войну, чуму и враждебность его начальства. Сражаясь с глупостью, фанатизмом и жестокостью, отец Чисхолм получает ключи Царства Небесного, которые нельзя подделать, купить или украсть.

Роман Кронины — это увлекательный, энергичный, красочный рассказ о глубоко духовном человеке, который творит добро в несовершенном мире.

«Ключи Царства» — одна из лучших экранизаций современной англоязычной литературы с неподражаемым Грегори Пеком в главной роли.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АРЧИБАЛЬД КРОНИН
КЛЮЧИ ЦАРСТВА

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректор Ирина Киселева

Подписано в печать 27.12.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 28. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. ПП, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-IJN-19745-03-R